

Почему коммунистический режим в Китае пережил 1989 г.?¹

Сергей Александрович Иванов,

кандидат исторических наук, заведующий Отделом китайских исследований Центра азиатско-тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: 02isa02@mail.ru

«Это революция, — утверждает Е.М. Примаков. — Те, кто жил в период Культурной революции, говорят, что никогда не видели такого». Не случится ли так, что мы нормализуем отношения с политическими мертвецами?

Из дневника Т. Степанова-Мама-ладзе, Пекин, 17 мая 1989 г. [34]

Статья посвящена вопросу, почему китайский коммунистический режим смог пережить протестные волнения 1989 г., не дав реформам перерасти в коллапс или смену государственного строя. Опираясь на теорию революций, автор рассматривает устойчивость политического режима с точки зрения качества идеологии, степени консолидации политических элит и внешнеполитических вызовов. В работе анализируются следующие проблемы: был ли протест 1989 г. реакцией на «банкротство» идеологии, почему политический режим оказался в состоянии подавить опасное расширение протеста и почему китайское государство было способно нивелировать внешнее давление после Тяньаньмэньских событий.

В Китае, как и в большинстве стран социалистического лагеря, обветшание социализма и неспособность обновлённой идеологии объяснить новую социальную реальность, создаваемую реформами, подстегнули общественный протест, направленный против власти. Волну возмущения удалось сбить благодаря двум основным факторам. Во-первых, политическая элита в Китае, в связи с целым набором внутренних качеств, нашла в себе силы консолидироваться перед угрозой выхода протестного движения из-под контроля. Во-вторых, КНР находилась в благоприятной геополитической ситуации, когда западные страны не требовали от китайского режима строго соответствовать своим идеологическим нормам.

Ключевые слова: Китай, Тяньаньмэнь, протест, политический режим, теория революций, социализм.

¹ Раздел статьи «Устойчивость политической элиты в конце 1980-х гг.» подготовлен при поддержке гранта РФФИ, проект № 16-27-22001. Остальные разделы выполнены в рамках государственного задания ИИАЭ ДВО РАН.

Why did communist regime in China survive through 1989?

Sergei Ivanov, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: 02isa02@mail.ru.

The article attempts to offer an explanation of how Chinese communist state was able to survive through protest movement of 1989 and why reforms didn't transform into state collapse or regime change. The research, based on the revolutionary theory, analyses the stability of political regime through the lens of ideology characteristics, degree of elite unity and challenges coming from international political system. The following questions were studied: was the protest of 1989 a reaction on the ideology bankruptcy, why political regime was able to suppress dangerous extension of the protest and why Chinese state was able to neutralize external pressure after Tiananmen disorders.

Similarly with most of other countries of socialist camp, social protest directed against political regime was a consequence of decay of socialism and an inability of new upgraded ideology to explain new social reality emerged during reform period. The upsurge of the protest was prevented due to the two main factors. First, political elite in China was able to consolidate in front of protest which got dangerously out of hand. Second, China was in a favorable geopolitical situation when Western countries didn't strictly insist on the Chinese state to comply with Western ideological norms.

Keywords: China, Tiananmen, protest, political regime, revolutionary theory, socialism.

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

В середине мая 1989 г. советская делегация во главе с М.С. Горбачёвым прибыла в Пекин, чтобы официально завершить процесс нормализации отношений. В один из вечеров, находясь в своей резиденции из-за отменённых мероприятий, члены делегации активно обсуждали причину скомканной повестки визита — многотысячные демонстрации по всему Пекину, плакаты с надписями «У СССР есть Горбачёв. А кто есть у нас?», «Демократия — наша общая мечта» и «Горбачёв, народ здесь, а не там». В ходе дискуссии Е.М. Примаков расценил события как революцию, а Т.Г. Степанов-Мамаладзе высказал в дневнике сомнение в стабильности китайского режима, вынесенное в эпиграф [34].

Тяньаньмэнь² на самом деле не обошёлся без политических жертв — через месяц после визита советской делегации всех постов лишился один

² Здесь и далее под Тяньаньмэнем понимается период активной фазы протестного движения в апреле — мае 1989 г. и его силового подавления 2—4 июня 1989 г. в Пекине. Триггером массовых студенческих волнений была смерть Ху Яобана, известного в народе китайского реформатора. В дальнейшем движение стало носить антиправительственный характер с выдвиганием политических требований, а его социальная база расширилась за счёт рабочих. 2 июня власти КНР приняли решение подавить демонстрации с помощью армии. По разным оценкам, в ходе разгона студентов и рабочих погибло от нескольких сотен до нескольких тысяч человек.

из главных архитекторов китайских преобразований 1980-х гг. Чжао Цзыян. Но режим устоял, волнения были подавлены и не переросли в революцию. Более того, лидер несостоявшихся «мертвецов» — Дэн Сяопин — в настоящее время для миллионов китайцев является национальным героем, заслужившим славу мудрого реформатора в области экономики, хотя к таковым его можно было отнести с большой натяжкой [29]. Реформы проводили официально «забытые» политики Ху Яобан и Чжао Цзыян — те, кто пал в результате политической борьбы, разогреваемой массовыми волнениями в 1986 и 1989 гг.

В несбывшихся пророчествах советской делегации удивляет их «зеркальность». Через два года после Тяньаньмэня «политическим мертвецом» неожиданно для многих стал М.С. Горбачёв. Его уход из власти не сопровождался многотысячными антиправительственными демонстрациями — он стал результатом политических игр партийно-советской бюрократии. Общая ирония визита состояла ещё и в том, что первый зампред Совмина СССР Ю.Д. Маслюков на встрече М.С. Горбачёва с премьером Ли Пэнном предлагал китайской стороне последовать советскому примеру и организовать борьбу с бюрократией для ускорения социально-экономического прогресса [34]. К несчастью для советского режима, такое «ускорение» показало, что номенклатура куда более опасный враг, чем разгневанные массы.

Именно в 1989 г. советское и китайское государства, начавшие проводить реформы 5 и 10 лет назад соответственно, двинулись в разных направлениях: дезинтеграции политического пространства с бескровной уступкой власти либеральным политическим силам в СССР и укрепления власти компартии в КНР после быстрого, но кровавого подавления протестного движения. Могло ли реформаторское движение в Китае пойти по «советскому пути» распада? Чэнь Ицзы, один из учёных-разработчиков китайских реформ 1980-х гг., бежавший из КНР после Тяньаньмэньских событий, в 1990 г. высоко оценивал вероятность того, что провинциальные лидеры «растащат» Китай на части [13, с. 92—93]. Проблема усиления локальных властных групп была одним из ключевых объектов критики консерваторами реформистов во второй половине 1980-х гг. [19, р. 40—42]. Можно считать допущение о коллапсе страны нелепостью³, но ослабление центральной власти в 1916—1928 гг. привело к фрагментации КНР на де-факто независимые регионы под контролем милитаристских группировок.

Однако в статье мы не будем анализировать степень вероятности распада китайского государства. Мы поставим вопрос по-другому: благодаря чему китайский режим смог пережить протестные волнения 1989 г., не дав реформам перерасти в коллапс или смену режима, как это произошло в ходе советской перестройки?

³ В середине 1990-х гг. оно тем не менее серьёзно обсуждалось ведущими китаеведами мира. Например: [23; 31].

ОТ ЛИЧНОСТИ К СИСТЕМНЫМ ПРОЦЕССАМ

Ответ на поставленный вопрос может лежать в разных плоскостях. Одна из самых распространённых версий отсылает исследователя к роли личности в истории. Здесь перед нами предстаёт монументальная фигура Дэн Сяопина, который в конце 1970-х гг. «осознал» ошибки предыдущего пути развития Китая [3, с. 162—163; 11, с. 10] и повёл страну в новом направлении с «рассчитанной на долгосрочную перспективу генеральной стратегией» [12, с. 36]. Стратегия эта была скопирована с советского НЭПа⁴, т.к. Дэн всегда считал, что социализм можно построить только в кооперации с частными и иностранными капиталистами [35, р. 24—25; 7, с. 64—65]. Именно экономические реформы Дэн Сяопина не позволили Тяньаньмэню перерасти во что-то большее.

В такой трактовке есть значительный изъян. Эти «стратегически» продуманные реформы привели не просто к протесту, а протесту, направленному в том числе против китайских лидеров. Протестующие требовали ухода «феодалного диктатора» Дэн Сяопина и других «старых лидеров» на пенсию или сразу их публичного суда [25, р. 95, 109—110]. История не любит сослагательного наклонения, но в случае успеха протестного движения мы бы сейчас изучали совсем другого «Дэн Сяопина».

Другой наиболее распространённый подход к объяснению устойчивости режима в середине 1989 г. — просто не упоминать Тяньаньмэнь, вывести это событие за рамки истории. Естественно, такое забвение характерно для китайских историков, политологов и социологов, т.к. эта тема табуирована властями. Имена реформаторов Ху Яобана и Чжао Цзыяна крайне редко можно увидеть в китайских официальных текстах или исследовательских публикациях, посвящённых 1980-м гг. Эксклюзивна характерна и для многих российских и западных исследователей, занимающихся новейшей историей Китая: тяньаньмэньский кризис плохо вписывается в картину тотального успеха реформ Дэн Сяопина и его последователей.

Феномен устойчивости режимов к протестным движениям крайне сложен, поэтому объяснение китайского случая 1989 г. не может быть упрощённым. События Арабской весны 2011 г. показали, что протестные движения, имеющие в своей основе общие причины, в разных странах могут

⁴ В подтверждение этого тезиса многие российские, а вместе с ними и некоторые западные учёные отсылают нас к биографии Дэн Сяопина, написанной А.В. Панцовым. Но в ней, как и во всех биографиях, даже самых добротного написанных (а указанную работу, безусловно, стоит относить к таковым), факты, подтверждённые архивными материалами и мемуарами других людей, перемежаются с домыслами автора. Как раз отрывок об увлечении Дэн Сяопина идеями Н.И. Бухарина и опытом советского НЭПа не подкреплён источниками и является не более чем догадкой А.В. Панцова. В 1985 г. Дэн Сяопин на самом деле сказал, что НЭП «...возможно, был хорошей моделью социализма в СССР», но делать из одной фразы выводы об идеологической приверженности китайского руководителя неуместно. Тем более что общая мысль этого высказывания сводилась к необходимости развиваться своим путём, не копируя чужой опыт, включая советский. См.: [9, с. 59—60, 413; 10, с. 158].

приводить к совершенно непохожим результатам: к смене режима на более демократичный или — чаще — на более авторитарный, к подавлению волнений с укреплением власти, к затяжной гражданской войне, к мирному соглашению между властью и протестными группами [20, р. 54—55]. Каждый случай по-своему уникален. Тем не менее не стоит пренебрегать теоретическими наработками, чтобы понять, почему в одних ситуациях режимы рушатся, а в других способны подавить протест или постепенно снизить его градус.

Наш анализ будет построен на теории революций. В последние десятилетия она значительно расширила объект исследований, перейдя от изучения «великих» революций к широкому спектру исторических событий, в основе которых лежат «попытки преобразовать политические институты и дать новое обоснование политической власти в обществе, сопровождаемые формальной или неформальной мобилизацией масс и такими неинституционализированными действиями, которые подрывают существующую власть» [21, р. 142]. Всё это можно было наблюдать в ходе Тяньаньмэньских событий. Протестующие не призывали к радикальной смене власти, свидетельства подготовки переворота не найдены. Но студенческие манифесты как минимум включали требование смены политической и социально-экономической программы государства, а также устранения из власти консервативных и «старых» кадров, включая Дэн Сяопина [25].

В соответствии с теорией революций в интерпретации Дж. Голдстоуна, мы рассмотрим вопрос устойчивости политического режима в 1989 г. в трёх проекциях. Во-первых, какую идеологию исповедовали китайские власти, был ли протест 1989 г. реакцией на банкротство идеологии. Во-вторых, почему политический режим оказался в состоянии подавить опасное расширение протеста. В-третьих, какую позицию Китай занимал в мировой экономической и политической системах и, соответственно, насколько политический режим был устойчив к внешнему влиянию в период протеста.

ИСТОЩЕНИЕ РЕСУРСОВ И ИДЕОЛОГИЯ

Ко времени Тяньаньмэньских событий китайское руководство достаточно сильно отошло от догм социалистической идеологии. Почему это произошло и как родилась идеология, доминировавшая в конце 1980-х гг.? Зачем Дэн Сяопину нужно было отходить от социализма, размывая его реформаторскими инициативами? Обычно, когда говорят о зарождении политики реформ в КНР, то указывают на большой политический капитал Дэн Сяопина, который позволил ему в конце 1970-х гг. повернуть государственную политику в направлении рыночных реформ. Это, безусловно, так. Но почему вдруг он совершил этот поворот? Выше мы уже писали, что объяснения, опирающиеся исключительно на роли личности и метафизику «осознания», нас не устраивают. Одновременно вряд ли можно удовлетвориться объяснением, что марксистско-ленинское учение в Китае было лишь надстройкой над конфуцианско-прагматичным идейным базисом, поэтому

элита быстро от неё отказалась [2] — сложно представить, как это можно подтвердить эмпирически, без философских рассуждений о богатстве и самодостаточности китайской культуры.

Дэнсяопиновский идеологический разворот нам представляется совсем не случайным. В его основе лежало истощение ресурсов КНР в 1970-х гг., вызванное исчерпанием модели развития, которая предполагала тотальную мобилизацию населения и которой придерживался Мао Цзэдун [28, р. 93—94]. Тем не менее сам факт истощения ресурсов государства и его «осознание» руководством страны не могли предопределить, куда повернёт власть и будет ли она успешна в своём выборе. Столкнувшись с бюджетными ограничениями, власть вполне могла пойти по пути современной КНДР, нашедшей «долгосрочную» модель мобилизации населения. К тому же дэнсяопиновские реформы не решили финансовых проблем государства⁵.

Радикальный сдвиг в сторону политики реформ произошёл по другой причине — усиления системного раскола политической элиты. В период Культурной революции репресслируемая элита в большинстве своём не уничтожалась физически, что позволило ей после смерти Мао Цзэдуна вступить в схватку со сторонниками радикальных форм коммунистической идеологии и занять основные позиции в государстве [8, с. 518—521, 534—542]. В процессе внутриэлитной борьбы оценка политики «Большого скачка» и Культурной революции стала краеугольным камнем в различении властных групп. Сам факт истощения ресурсов государства играл крайне важную роль в этой борьбе. Он позволил сторонникам Дэн Сяопина перенести экономическую проблематику в центр политической дискуссии во второй половине 1970-х гг. [4, с. 66], в которой радикалы, не найдя за предыдущее десятилетие рецепт устойчивого развития, явно проигрывали. Дэн Сяопин и его сторонники отказались от леворадикальных идей коммунизма и начали постепенно их дискредитировать [8, с. 486—487]. Необходимость создания альтернативных путей развития Китая породила и альтернативную идеологию [34, р. 36—37] — смесь умеренного социализма и реформизма⁶, — в дальнейшем официально названную социализмом

⁵ Все 1980-е гг. проблема нехватки финансовых ресурсов и дефицита бюджета стояла крайне остро. На заседании по экономическим вопросам вице-премьер Бо Ибо в августе 1981 г. указывал на то, что ситуация с финансовым положением государства хуже, чем когда-либо в истории КНР: страна с трудом оплачивала растущие зарплаты и субсидии, контракты на поставку зарубежного оборудования и т.д. См.: [41, р. 379].

⁶ Для того чтобы убедиться в либеральном характере предложенного в конце 1978 г. пути развития государства, достаточно взглянуть на выступление Дэн Сяопина на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва. Допущение неравномерного распределения богатства под воздействием объективных условий, призыв к отказу от коллективной в пользу личной ответственности и компетентности, нацеленность на лучшую жизнь в будущем, но не здесь и сейчас, постепенные реформы для его достижения — всё это неотъемлемые тезисы исторического либерализма. Однако, как замечает Л.П. Делюсин, формально в официальных документах составители итоговых материалов пленума «...всячески старались избегать возможности обвинить их в отступлении от социализма», добавляя ко всем экономическим терминам определение «социалистический». См.: [4, с. 102—105].

с китайской спецификой⁷. Вряд ли будет преувеличением сказать, что идеология, с которой власть подошла к 1989 г., оказалась побочным продуктом внутриэлитной борьбы, а не продуманной и заранее расписанной политической программой. Да и в глобальном контексте реформизм Дэн Сяопина не был уникальным: фактически на этот путь рано или поздно вставали почти все антисистемные — антикапиталистические — элиты, возглавлявшие государства в XX в. [1, с. 117—122, 231—232, 312—314].

Новая идеология, оставаясь социалистической, позволяла сохранить прежнюю политическую систему с руководящей ролью коммунистической партии. Как и раньше, частично легитимность партии продолжила базироваться на национально-освободительной роли КПК в истории страны. Но, атакуя оппонентов именно по экономическим вопросам, Дэн Сяопин не мог не поставить экономику в центре своей дальнейшей программы действий в 1980-е гг. Соответственно, обновлённая идейная платформа требовала сосредоточения действий власти на вопросах экономического строительства. Благо у Дэн Сяопина были внутренние и внешние ресурсы для проведения такой политики. Имея большой авторитет в армии, Дэн Сяопин смог отказаться от подготовки к мировой революции, значительных военных расходов⁸ и мобилизационных форм хозяйствования. «Благодаря» Культурной революции элита пришла к единому мнению, что от радикальных действий необходимо решительно отказаться, поэтому найти широкую партийную поддержку преобразованиям в экономике не составило труда (другое дело, что существовали разногласия, какими должны быть эти преобразования). Дэн Сяопину благоволила международная обстановка, речь о которой пойдёт ниже.

Проблемы обновлённой идеологии были в её эклектичности. Во-первых, она не позволила до конца объединить элиту. Внутриэлитный раскол не исчез с приходом реформаторов к власти, а перетёк в менее острую форму с новой конфигурацией консерваторов (сторонников социализма) и реформистов. На всём протяжении 1980-х гг. экономические проблемы, возникавшие в государстве, оставались ключевым поводом для обострения борьбы между властными группировками [6, с. 18—22, 46—47, 117—165]. Эклектичность давала представителям «левых» и «правых» надежду, что в конце концов идеология качнётся к близкому им полюсу.

⁷ Саму формулу «социализм с китайской спецификой» предложил Дэн Сяопин в сентябре 1982 г. на открытии 12-го съезда партии. В конце 1984 г. вышел первый сборник его речей под названием «Строительство социализма с китайской спецификой». Симптоматично, что влиятельные неомарксисты конца XX в. отказывались называть социально-экономическую политику китайского государства после конца 1970-х гг. социализмом. Д. Харви назвал её «неолиберализмом с китайской спецификой», а Д. Арриги более осторожно — политикой реформ со «смитианской спецификой». См.: [14, с. 353—361; 22, р. 120—151].

⁸ К концу 1980-х гг. доля военных расходов в государственном бюджете уменьшилась более чем в 2 раза по сравнению с концом 1970-х гг. В середине 1980-х гг. численность армии была сокращена на четверть (на 1 млн чел.). См.: [17, р. 38].

Мемуары представителей двух течений, Дэн Лицюня и Чжао Цзыяна, отчётливо показывают это. «Левые» считали, что социализм, оставшись государственной идеологией, должен полностью соответствовать принципам марксизма-ленинизма, в том числе в экономической сфере [42]. «Правые» надеялись, что рыночные реформы и их успехи в экономике как минимум должны встать вровень с социалистическими принципами [40, р. 183—186, 255—257].

Во-вторых, эклектичность и попытки двух властных группировок перетянуть идеологию в свою сторону спровоцировали серьёзный резонанс в интеллектуальной среде. Во второй половине 1980-х гг. вопросы государственного строительства и демократии оказались в фокусе общественно-политической дискуссии в стране [26, р. 31—37]. Это, соответственно, подогревало протестные настроения.

В-третьих, население достаточно противоречиво воспринимало социально-экономические последствия новой идеологии. Интеллигенция и студенты (будущая интеллигенция) увидели, что реформы значительно снизили их шансы на достойные социальные позиции: более открытый рынок труда не обязательно благоволил самым умным, отсутствие связей, денег, а иногда просто неудача могли оставить хорошего специалиста без работы [38, р. 98—99]. Поэтому подавляющая часть студентов, выкрикивая демократические лозунги, понимала под демократией в первую очередь не свободные выборы, а устранение коррупции, открытость СМИ, гласность, уважение к интеллигенции и поддержку экономического развития страны [16, р. 246].

Схожая ситуация возникла и с рабочими, которые стали массово присоединяться к студенческим протестам в мае 1989 г. Они также были недовольны реформами, т.к. последние поощряли менеджмент заводов действовать «капиталистически»: повышать эффективность труда, увольнять и набирать сотрудников в зависимости от рыночных условий. При этом когда рабочие стали массово выходить на улицу в поддержку студентов, то даже не подозревали, что ещё за несколько недель до этого сами студенты призывали правительство разогнать все госпредприятия [27, р. xii—xiii].

Можно ли считать, что произошло полное банкротство идеологии? Социалистической — да. К концу 1980-х гг. большая часть китайцев не верила в коммунистические идеи и стала оценивать государство, исходя из эффективности его работы [38, р. 4]. Однако необходимо учитывать, что к концу 1980-х гг. идеология уже не была чисто социалистической. Реформы, которые официально никогда не назывались либеральными, но по своей сути были таковыми, также стали неотъемлемой частью идеологии. На XIII Всекитайском съезде КПК 25.10—01.11.1987 г. было заявлено, что социализм с китайской спецификой должен строиться как на базе марксизма-ленинизма, так и на базе идей реформ и открытости [5, с. 17]. Дэн Сяопин ещё в процессе обновления идеологии поставил вопрос об экономической эффективности в центр своей «программы», и именно власти санкционирова-

ли оценку своей деятельности с точки зрения экономических успехов, хотя оценивание осталось исключительно внутривнутрипартийным делом.

Идеология не была мертва, но она уже не была исконно социалистической. Одновременно именно её неспособность объяснить интеллигенции нарождающийся социальный и экономический порядок создала возможность роста протестных настроений. В этой ситуации качество политической элиты и позиции Китая на международной арене и стали ключевым фактором устойчивости коммунистического режима.

УСТОЙЧИВОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В КОНЦЕ 1980-х гг.

Нельзя отрицать факт существования в китайской элите двух разных по идеологическим взглядам групп накануне Тяньаньмэньских событий. Китайские политики, независимо от идеологических предпочтений, в своих мемуарах достаточно чётко проводили различие между двумя «лагерями», описывали взгляды каждого из них, называли наиболее сильных представителей [42; 40; 13, с. 92—93]. Этот разрыв вряд ли был глубок, по крайней мере источники оставили свидетельство о его наличии только в верхушке власти. Группа так называемых консерваторов включала большинство «старых» кадров, а её самыми влиятельными представителями были Чэнь Юнь, Ли Сяньнянь и Дэн Лицюнь. Группа «реформистов» была близка к Дэн Сяопину. Именно он привёл во власть и поддерживал двух самых ярких представителей китайской политики 1980-х гг., реформаторов Ху Яобана и Чжао Цзяяна. Идеальный раскол между группами состоял в разном понимании центральной идеи, которая должна была лежать в основе всей государственной политики. Выбор, соответственно, стоял между социальной справедливостью (консерваторы) или экономической эффективностью (сторонники реформ).

Но была ли политическая элита поляризована настолько, чтобы противоречия внутри неё переросли в системную аппаратную борьбу с задачами на взаимное уничтожение? Глубокий раскол отсутствовал по двум причинам.

Во-первых, для китайской политической элиты 1980-х гг. было характерно наличие устойчивого «селектората» — той прослойки, которая решала ключевые кадровые вопросы в стране. Она являлась небольшой и включала группу «старых» кадров, высшее военное командование и некоторых других членов партийной верхушки [33, р. 72—77]. Важно, что в селекторат неизменно входили как лидеры консервативного крыла партии, в т.ч. Чэнь Юнь, так и лидеры реформистов, в т.ч. Дэн Сяопин. В 1987 г., после ухода «старых» кадров с ключевых постов государства, на пленуме ЦК КПК генсек Чжао Цзяян обязался согласовывать все важнейшие решения в стране, включая кадровые, с Дэн Сяопином, который, в свою очередь, продолжил согласовывать их с Чэнь Юнем и Ли Сяньнянем [40, р. 203—213]. Это было секретное решение, согласованное с элитой

и раскрытое впервые на встрече Чжао Цзыяна с М.С. Горбачёвым в мае 1989 г., за что в дальнейшем китайский политик подвергся критике.

Дэн Сяопин совместно с другими «старыми» кадрами восстановил прежние и создал новые формальные и неформальные правила, которые предотвращали радикализацию политической элиты⁹. Селекторат требовал принятия консолидированных решений по ключевым вопросам, избегания массовых мобилизационных кампаний и сохранения абсолютной власти КПК. Чжао Цзыян хорошо описал в своих мемуарах, как систематическое нарушение этих правил со стороны Ху Яобана, который прежде пользовался широкой поддержкой Дэна, постепенно привело к полной утрате этой поддержки и формированию оппозиции среди «старых» кадров [40, р. 117—118, 161—172]. Можно привести и другой пример. В 1989 г. Дэн Сяопин отказался назначать консерватора Дэн Лицюня, который был склонен к активной пропаганде левой идеологии, на должность консультанта в Отдел изучения политики при ЦК КПК, при этом был готов предоставить ему более высокую, но изолированную от реальной политики должность [42].

Дэн также отказался от практики концентрации власти в одних руках. Он не соглашался на высшие позиции в государстве и партии, не давая их занимать и другим «старым» кадрам. Он не принял создания культа личности, не позволив режиму превратиться в единоличную диктатуру, более хрупкую в периоды политической и социальной нестабильности [21, р. 149—150]. На протяжении 1980-х гг. в Китае постепенно институализировалась система ухода на пенсию, что обеспечивало ротацию кадров в высшем руководстве [19, р. 7—8], действующую и в наши дни.

В лагере консерваторов и реформистов не было активных лидеров, т.к. статус Дэн Сяопина и Чэнь Юня позволял им быть выше внутривнутрипартийных противоречий. При этом в самих группах могли идти не менее ожесточённые баталии по вопросам государственной политики, чем между группами¹⁰.

Вторая причина отсутствия системной аппаратной борьбы заключалась в относительной гомогенности элиты и локализации разногласий исключительно в рамках партийного и государственного аппарата. Их представители имели в основном схожие жизненные траектории, которые нередко пересекались. Личные связи между политиками разных лагерей нередко играли более важную роль, чем принадлежность к одной или другой идеологической группе.

Искусственность чёткого деления власти на два лагеря можно показать на примере процесса, значимого для развития Китая на рубеже 1980—1990-х гг. В этот период одним из краеугольных камней внутрипар-

⁹ Причиной установления таких правил было горькое прошлое Культурной революции, когда радикалы пришли к власти. Мемуары современников показывают, что политическая элита охотно принимала подобные условия, чтобы не допустить повторения «потерянного десятилетия».

¹⁰ В этом плане интересно описание Чжао Цзыяном его отношений с Ху Яобаном. См.: [40, р. 114—118].

тийных разногласий была налоговая реформа¹¹. В 1987—1988 и 1990 гг. консервативное крыло правительства во главе с Ли Пэном попыталось принять её, но натолкнулось на сопротивление реформистов и лидеров развитых провинций. Одним из ярых противников инициативы был сторонник реформ, глава Шанхайского парткома Чжу Жунци. Но всего через три года, в конце 1993 г., председатель КНР Цзян Цзэминь, премьер Ли Пэн (консерватор) и уже вице-премьер Чжу Жунци провели эту реформу сообща [37, р. 429]. Данная история показывает условность деления партии на фракции: в 1990 г. консерваторы, укрепив свои позиции в политическом пространстве Китая после Тяньаньмэня, не смогли «продать» спорное решение, а в 1993 г., когда реформаторская повестка опять занимает доминирующие позиции в экономической политике, вдруг поддерживается консервативная инициатива, при этом теми, кто ранее ей жёстко противостоял.

В целом политической элите Китая не составило труда консолидироваться перед угрозой массового бунта во время Тяньаньмэньских событий. Когда 9 июня 1989 г. Дэн Сяопин впервые после 16 мая (встречи с М.С. Горбачёвым) появился в вечерних новостях, то населению было продемонстрировано единство власти. Здесь были «старые» кадры (Дэн Сяопин, Ян Шанкунь, Ли Сяньнянь) и консерваторы (Ли Пэн, Яо Илин), которых протестующие требовали убрать из руководства, и реформисты, чью поддержку искали протестующие (Вань Ли, в меньшей степени Цяо Ши) [25, р. 171]. На экранах не было Чжао Цзяна, которого обвинили в лояльном отношении к антиправительственным демонстрациям, сняли со всех постов и поместили под домашний арест. Однако сам факт того, что Чжао не был посажен в тюрьму или — ещё хуже — физически уничтожен, говорит об уверенности элиты в отсутствии прямой связи генсека с протестом. Сам Чжао Цзян старался до конца сохранить лояльность селектора и искренне верил, что не предавал партию¹².

ПОЗИЦИИ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

Помимо консолидации китайской политической элиты в период Тяньаньмэня, стоит отметить другое важное преимущество китайского режима — заинтересованность западных стран сохранить отношения с КНР даже несмотря на кровавое подавление протеста.

После Тяньаньмэньских событий китайский режим стал объектом яростной критики на Западе, за которой последовали эмбарго на поставки вооружений в КНР, усиление поддержки Тайваня, политическая изоляция, экономические санкции в виде отсрочки предоставления международных

¹¹ Центральное правительство хотело заменить систему фискальных контрактов, по которым провинции ежегодно брали на себя обязательство перечислять определённую сумму собранных налогов в Пекин, а излишки оставлять себе, на «двойную налоговую систему», которая устанавливала чёткие правила, какие налоги собирало центральное правительство, а какие — местная власть.

¹² На это указывает не только сам Чжао Цзян в своих мемуарах, но, что более важно, и его идеологический оппонент — Дэн Лицунь. См.: [40].

займов (в основном МВФ и Японией), усиления контроля за экспортом продукции двойного назначения и сворачивания некоторых инвестиционных проектов [32, р. 119—122]. Страны советского блока и восточноазиатские государства (кроме Японии) не поддержали США и их союзников.

Ответ китайских властей также был достаточно жёстким. Китайское руководство вернулось к риторике борьбы с капиталистическим империализмом. Дэн Сяопин 16 июня 1989 г. заявил, что «...весь западный империалистический мир стремится заставить социалистические страны отказаться от социалистического пути развития, чтобы в конечном итоге включить их в систему господства монополистического капитала...» [43, р. 311]. Видение Тяньаньмэня в качестве одного из событий большого кризиса коммунистических режимов по всему миру не было уловкой китайского руководства в поисках внешнего врага. Китайские лидеры на самом деле верили, что именно Запад является причиной кризиса. Более того, по мнению М. Саротт, восточноевропейские события (рост протеста в Польше и Венгрии, а также демократические реформы в СССР) в немалой степени подтолкнули китайских лидеров к решению о силовом подавлении волнений в Пекине [30, р. 163—175].

Но напряжённость между Западом и Китаем продлилась недолго. Для Запада не вставал вопрос о радикальном пересмотре отношений к КНР после Тяньаньмэньских событий. Как показывают воспоминания Дж. Буша и Б. Скоукрофта, американская позиция была двойственна: «умеренное пропорциональное» реагирование с публичным осуждением нарушений прав человека сопровождалось инициированием секретных контактов с китайскими лидерами. Американский президент с сожалением воспринял новость о прибытии китайского диссидента Фан Личжи (один из вдохновителей Тяньаньмэньского протеста) в посольство США в Пекине, т.к. это неизбежно приводило к нарастанию конфликта в американо-китайских отношениях [15, р. 88—95]. Европейские страны уже через несколько месяцев после Тяньаньмэня начали смягчать санкции (кроме эмбарго на поставки вооружений), со стороны США ограничения также носили половинчатый характер. Наиболее серьёзные антикитайские инициативы не были воплощены, оставшись лишь предметом жарких внутривосточных дебатов [18, р. 309—311].

Причину благоприятной для КНР реакции Дж. Буша и американского правительства не стоит искать в личных симпатиях лидеров США к Китаю и его руководителям. Фактически американский истеблишмент действовал строго системно, продолжая политику вовлечения Пекина в сферу своих интересов. Это было обусловлено тем, что, с геополитической точки зрения, Восточная Азия (вместе с Восточной Европой), в отличие от Латинской Америки и Южной Азии, находилась на передовой противостояния США и СССР [36, р. 34—37]. По мере уменьшения влияния СССР на международной арене геополитический разлом в 1970—1980-е гг. смещался ближе к границам советского государства. Китай являлся одним из ключевых объектов борьбы за влияние в Восточной Азии, что определяло его значение для западного мира. В этом плане китайский режим имел безусловные преимущества перед советским: КНР были открыты двери в международную экономическую

кую и политическую систему даже без строгой необходимости следования западным идеологическим нормам. Китайские лидеры могли позволить себе не заигрывать с США по внутривнутриполитическим вопросам и проводить экономические реформы, получая поддержку капиталистического мира. Всемирный банк, МВФ, ГАТТ в 1970—1980-е гг. были открыты для Китая [24], и Тяньаньмэнь не смог переломить общую благожелательную ситуацию.

Также стоит учитывать, что Китай не попал в долговую яму международных финансовых институтов, как это произошло со странами Латинской Америки. Центральная власть КНР сама ограничивала займы. Сдерживание было не результатом продуманной политики, а итогом противостояния либерального и консервативного лагеря политической элиты, которое приводило к искусственному ограничению внешних заимствований [13, с. 17—18]. Если Дэн Сяопин, по воспоминаниям Чжао Цзыяна и Тянь Цзюня, призывал к активному использованию любых форм иностранных финансовых и материальных ресурсов — льготных и нельготных кредитов, инвестиций в совместные предприятия в виде оборудования, — то Чэнь Юнь, ссылаясь на опыт других стран, относился к иностранным займам крайне настороженно, предлагая брать их только в самом крайнем случае [44, р. 3; 40, р. 99—100, 102—103]. Достаточно сложно оценить экономические последствия такого искусственного ограничения. Однако политические последствия этого были скорее позитивными, т.к. история региональных кризисов конца 1970—1990-х гг. показала, насколько сильно значительная кредитная зависимость от международных финансовых организаций и иностранных банков способна изменять направление экономической политики внутри государств не в пользу национального бизнеса [22, р. 70—119].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В Китае, как и в большинстве стран социалистического лагеря, идеология, а точнее её обветшание, неспособность объяснить новую социальную реальность, создаваемую реформами, была ключевым стимулом социального протеста, направленного против власти. Однако КНР стала одним из немногих коммунистических государств, благополучно переживших мировой кризис коммунизма и веры в него. Нельзя найти какую-то одну причину, объясняющую, почему режим выстоял. Этому способствовал целый набор факторов.

Социализм в Китае к концу 1980-х гг. был существенно дополнен либеральными (реформистскими) идеями. Уже после Тяньаньмэня власть ещё больше укрепила идеологию за счёт националистических вкраплений [39]. В июле 2016 г. в речи Си Цзиньпина по случаю 95-летия КПК выражение «социализм с китайской спецификой» встречалось намного чаще, чем просто «социализм». И, скорее всего, сейчас население больше верит в «китайскую специфику» (особый путь Китая, превосходство китайской нации и т.д.), нежели в «социализм» как таковой. Однако если проводить параллели с СССР, то в конце 1980-х гг. идеология в Советском Союзе также уже

была далека от классического марксизма-ленинизма, но режим не выстоял. В Китае было как минимум два преимущества перед СССР. Во-первых, политическая элита, благодаря целому набору внутренних качеств, нашла в себе силы консолидироваться перед угрозой выхода протестного движения из-под контроля. К Тяньаньмэньским событиям власть в Китае не была персонифицирована, имела устойчивый селекторат, выработала внутренние механизмы предотвращения радикализации идеологии и политики. Руководство КНР создавало такую политическую систему не в силу своей мудрости и не на случай Тяньаньмэня, им двигала другая цель — не допустить очередную Культурную революцию. Во-вторых, Пекин находился в благоприятной геополитической ситуации, когда западные страны не требовали от китайского режима соответствовать западным идеологическим нормам. Безусловно, отношения накалились в результате Тяньаньмэня, но желание, прежде всего США, удержать Китай в орбите своих интересов достаточно быстро снизило градус напряжённости.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2011. 416 с.
2. Васильев Л.С. Предкапитализм и посткоммунизм в современном Китае // Вопросы философии. 2013. № 9. С. 75—84.
3. Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. М.: НОФМО, 2008. 363 с.
4. Делюсин Л.П. Дэн Сяопин и реформа китайского социализма. М.: Муравей, 2003. 208 с.
5. Документы XIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. Пекин: Изд-во иностр. лит-ры на иностранных языках, 1988. 247 с.
6. Карпов М.В. Экономические реформы и политическая борьба в КНР (1984—1989). М.: ИСАА при МГУ, 1997. 200 с.
7. Кива А.В. Россия и Китай: сходное прошлое, но разное настоящее // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 62—74.
8. Кулик Б.Т. Советско-китайский раскол: причины и последствия. М., 2000. 640 с.
9. Панцов А.В. Дэн Сяопин. М.: Молодая гвардия, 2013. 556 с.
10. Панцов А.В., Спичак Д.А. Дэн Сяопин в Москве (1926—1927): идейное становление революционера и будущего реформатора // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 4. С. 151—160.
11. Пивоварова Э.П. Социализм с китайской спецификой. М.: Форум, 2011. 352 с.
12. Титаренко М.Л. Китай и Россия в современном мире. СПб.: СПбГУП, 2013. 88 с.
13. Чэнь Ицзы. Китай: десятилетие реформ / пер. с кит. яз. Галенович Ю.М., отв. ред. Титаренко М.Л. // Инф. бюллетень. М.: ИДВ, 1996. № 11. Ч. 2. 147 с.
14. Arrighi G. Adam Smith in Beijing: lineages of the twenty-first century. London, NY: Verso Books, 2007. 418 p.
15. Bush G.H.W., Scowcroft B. A world transformed. Vintage Books, 1999. 590 p.
16. Calhoun C. Neither gods nor emperors: students and the struggle for democracy in China. University of California Press, 1997. 350 p.
17. Chen Chien-Hsun. Causality between defence spending and economic growth: the case of mainland China // Journal of economic studies. 1993. Vol. 20. № 6. P. 37—43.
18. Drury A.C., Li Yitan. US economic sanction threats against china: failing to leverage better human rights // Foreign policy analysis. 2006. № 2. P. 307—324.

19. Fewsmith J. China since Tiananmen: The politics of transition. Cambridge University Press, 2001. 313 p.
20. Goldstone J. Bringing regimes back in — explaining success and failure in the middle east revolts of 2011 // *The Arab revolution of 2011: A comparative perspective* / ed. by Arjomand S.A. SUNY Press, 2015. P. 53—74.
21. Goldstone J. Toward a fourth generation of revolutionary theory // *Annual review of political science*. 2001. Vol. 4. P. 139—187.
22. Harvey D. A brief history of neoliberalism. Oxford: Oxford University Press, 2005. 247 p.
23. Huang Yasheng. Why China will not collapse // *Foreign policy*. 1995. № 99. P. 54—68.
24. Jacobson H.K. China's participation in the IMF, the World Bank, and GATT: toward a global economic order. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1990. 199 p.
25. Jin Jiang, Qin Zhou. June four. University of Arkansas Press, 1989. 177 p.
26. Li He. Political thought and China's transformation. Ideas shaping reform in post-Mao China. Palgrave Macmillan, 2015. 208 p.
27. Li Minqi. The rise of China and the demise of the capitalist world-economy. Pluto Press, 2008. 208 p.
28. Naughton B. A Political economy of china's economic transition // *China's great economic transformation* / ed. by Brandt L., Rawski T.G. Cambridge University Press, 2008. P. 91—135.
29. Naughton B. Deng Xiaoping: The economist // *The China quarterly*. 1993. № 135. Special issue: Deng Xiaoping: an assessment. P. 491—514.
30. Sarotte M.E. China's fear of contagion: Tiananmen square and the power of the European example // *International security*. 2012. Vol. 37. № 2. P. 156—182.
31. Segal G. China's changing shape // *Foreign affairs*. 1994. Vol. 73. № 3. P. 43—58.
32. Seo K.K. Economic reform and foreign direct investment in china before and after the Tiananmen square tragedy // *International business in China* / ed. by Kelley L., Shenkar O. Routledge, 2013. P. 109—136.
33. Shirk S.L. The political logic of economic reform in China. Berkley: University of California Press, 1993. 399 p.
34. Stepanov-Mamaladze T. Diary of Teimuraz Stepanov-Mamaladze / Transl. by Sergey Radchenko // DIGITALARCHIVE.WILSONCENTER.ORG: электронный архив Центра Вудро Вильсона. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/search-results/1/%7B%22contributor%22%3A%222158%22%7D> (дата обращения: 15.11.2015).
35. Vogel E.F. Deng Xiaoping and the transformation of China. Belknap Press of Harvard University Press, 2011. 928 p.
36. Wallerstein I.M. The end of the world as we know it: Social science for the twenty-first century. University of Minnesota Press, 1999. 277 p.
37. Yang D.L. Governing China's transition to the market: institutional incentives, politicians' choices, and unintended outcomes // *World Politics*. 1996. Vol. 48. № 03. P. 424—452.
38. Zhao Dingxin. The power of Tiananmen: state-society relations and the 1989 Beijing student movement. University of Chicago Press, 2001. 433 p.
39. Zhao Suisheng. A state-led nationalism: The patriotic education campaign in post-Tiananmen China // *Communist and post-communist studies*. 1998. Vol. 31. № 3. P. 287—302.
40. Zhao Ziyang. Prisoner of the state: The secret journal of premier Zhao Ziyang. Simon and Schuster, 2009. 336 p.
41. Бо Ибо. Бо Ибо вэньсюань (1937—1992) = Избранные сочинения Бо Ибо (1937—1992). Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1992. 635 с.
42. Дэн Лицюнь. Дэн Лицюнь цзышу: ши эр гэ чунь цю (1975—1987) = Автобиография Дэн Лицюня: хроника двенадцати лет (1975—1987). Гонконг: Дафэн чубаньшэ, 2006. 547 с.
43. Дэн Сяопин. Дэн Сяопин вэньсюань = Избранные сочинения Дэн Сяопина: в 3 т. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1993. Т. 3. 432 с.
44. Тянь Цзюнь. Цзинь цзюйли ганьшоу Дэн Сяопин = Личные впечатления о Дэн Сяопине // Яньхуан чуньцю. Пекин, 2007. № 12. С. 1—4.

REFERENCES

1. Wallerstein I. *Analiz mirovyih sistem i situatsiya v sovremennom mire* [The world-systems analysis and contemporary world situation]. Saint-Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2011, 416 p. (In Russ.)
2. Vasilev L.S. Predkapitalizm i postkommunizm v sovremennom Kitae [Pre-capitalism and post-communism in contemporary China]. *Voprosyi filosofii*, 2013, no. 9, pp. 75–84. (In Russ.)
3. Vinogradov A.V. *Kitayskaya model modernizatsii. Poiski novoy identichnosti* [Chinese model of modernization. Searching for a new identity]. Moscow, NOFMO Publ., 2008, 363 p. (In Russ.)
4. Delyusin L.P. *Den Syaopin i reforma kitayskogo sotsializma* [Den Xiaoping and the reform of Chinese socialism]. Moscow, Muravey Publ., 2003, 208 p. (In Russ.)
5. *Dokumenty XIII Vsekitayskogo s'ezda Kommunisticheskoy partii Kitaya* [13th National Congress of the Communist Party of China]. Pekin, Izd-vo inostr. lit-ryi na inostrannyih yazykakh Publ., 1988, 247 p. (In Russ.)
6. Karpov M.V. *Ekonomicheskie reformyi i politicheskaya borba v KNR (1984–1989)* [Economic reforms and political struggle in PRC (1984–1989)]. Moscow, ISAA pri MGU Publ., 1997, 200 p. (In Russ.)
7. Kiva A.V. Rossiya i Kitay: shodnoe proshloe, no raznoe nastoyashee [Russia and China: common past, but different present]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2012, no. 6, pp. 62–74. (In Russ.)
8. Kulik B.T. *Sovetsko-kitayskiy raskol: prichiny i posledstviya* [Soviet-Sino split: causes and outcomes]. Moscow, 2000, 640 p. (In Russ.)
9. Pantsov A.V. *Den Syaopin* [Deng Xiaoping]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2013, 556 p. (In Russ.)
10. Pantsov A.V., Spichak D.A. Den Syaopin v Moskve (1926–1927): ideynoe stanovlenie revolyutsionera i budushego reformatora [Deng Xiaoping in Moscow (1926–1927): ideologic upbringing of the revolutionary and future reformer]. *Problemy Dalnego Vostoka*, 2011, no. 4, pp. 151–160. (In Russ.)
11. Pivovarova E.P. *Sotsializm s kitayskoy spetsifikoy* [Socialism with Chinese Characteristics]. Moscow, Forum Publ., 2011, 352 p. (In Russ.)
12. Titarenko M.L. *Kitay i Rossiya v sovremennom mire* [China and Russia in contemporary world]. Saint-Petersburg, SPbGUP Publ., 2013, 88 p. (In Russ.)
13. Chen Yizi. Kitay: desyatiletie reform [China: decade of reforms]. Transl. by Galenovich Yu.M., ed. by Titarenko M.L. *Inf. Byulleten*. Moscow, IDV Publ., 1996, no. 11, vol. 2, 147 p. (In Russ.)
14. Arrighi G. *Adam Smith in Beijing: lineages of the twenty-first century*. London, New-York, Verso Books Publ., 2007, 418 p. (In Eng.)
15. Bush G.H.W., Scowcroft B. *A world transformed*. Vintage Books, 1999, 590 p. (In Eng.)
16. Calhoun C. *Neither gods nor emperors: students and the struggle for democracy in China*. University of California Press Publ., 1997, 350 p. (In Eng.)
17. Chen Chien-Hsun. Causality between defence spending and economic growth: The case of mainland China. *Journal of economic studies*, 1993, vol. 20, no. 6, pp. 37–43. (In Eng.)
18. Drury A.C., Li Yitan. US economic sanction threats against China: failing to leverage better human rights. *Foreign policy analysis*, 2006, no. 2, pp. 307–324. (In Eng.)
19. Fewsmith J. *China since Tiananmen: The politics of transition*. Cambridge University Press Publ., 2001, 313 p. (In Eng.)
20. Goldstone J. Bringing regimes back in — explaining success and failure in the middle east revolts of 2011. *The Arab revolution of 2011: A comparative perspective: a comparative perspective*, ed. by Arjomand S.A., SUNY Press Publ., 2015, pp. 53–74. (In Eng.)
21. Goldstone J. Toward a fourth generation of revolutionary theory. *Annual review of political science*, 2001, vol. 4, pp. 139–187. (In Eng.)

22. Harvey D. *A Brief history of neoliberalism*. Oxford, Oxford University Press Publ., 2005, 247 p. (In Eng.)
23. Huang Yasheng. Why China will not collapse. *Foreign policy*, 1995, no. 99, pp. 54—68. (In Eng.)
24. Jacobson H.K. *China's participation in the IMF, the World Bank, and GATT: toward a global economic order*. Ann Arbor, University of Michigan Press Publ., 1990, 199 p. (In Eng.)
25. Jin Jiang, Qin Zhou. *June four*. University of Arkansas Press Publ., 1989, 177 p. (In Eng.)
26. Li He. *Political thought and China's transformation. Ideas shaping reform in post-mao China*. Palgrave Macmillan, 2015, 208 p. (In Eng.)
27. Li Minqi. *The rise of China and the demise of the capitalist world-economy*. Pluto Press Publ., 2008, 208 p. (In Eng.)
28. Naughton B. *A political economy of China's economic transition. China's great economic transformation*, ed. by Brandt L., Rawski T.G. Cambridge University Press Publ., 2008, pp. 91—135. (In Eng.)
29. Naughton B. Deng Xiaoping: The economist. *The China quarterly*, 1993, no. 135. Special issue: *Deng Xiaoping: an assessment*, pp. 491—514. (In Eng.)
30. Sarotte M.E. China's fear of contagion: Tiananmen square and the power of the European example. *International security*, 2012, vol. 37, no. 2, pp. 156—182. (In Eng.)
31. Segal G. China's changing shape. *Foreign affairs*, 1994, vol. 73, no. 3, pp. 43—58. (In Eng.)
32. Seo K.K. Economic reform and foreign direct investment in China before and after the Tiananmen square tragedy. *International business in China*, ed. by Kelley L., Shenkar O. Routledge, 2013, pp. 109—136. (In Eng.)
33. Shirk S.L. *The political logic of economic reform in China*. Berkley, University of California Press Publ., 1993, 399 p. (In Eng.)
34. Stepanov-Mamaladze T. *Diary of Teimuraz Stepanov-Mamaladze*. Transl. by Sergey Radchenko. Available at: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/search-results/1/%7B%22contributor%22%3A%222158%22%7D> (accessed 15.11.2015). (In Eng.)
35. Vogel E.F. *Deng Xiaoping and the transformation of China*. Belknap Press of Harvard University Press Publ., 2011, 928 p. (In Eng.)
36. Wallerstein I.M. *The end of the world as we know it: Social science for the twenty-first century*. University of Minnesota Press Publ., 1999, 277 p. (In Eng.)
37. Yang D.L. Governing China's transition to the market: institutional incentives, politicians' choices and unintended outcomes. *World politics*, 1996, vol. 48, no. 03, pp. 424—452. (In Eng.)
38. Zhao Dingxin. *The power of Tiananmen: state-society relations and the 1989 Beijing student movement*. University of Chicago Press Publ., 2001, 433 p. (In Eng.)
39. Zhao Suisheng. A state-led nationalism: The patriotic education campaign in post-Tiananmen China. *Communist and post-communist studies*, 1998, vol. 31, no. 3, pp. 287—302. (In Eng.)
40. Zhao Ziyang. *Prisoner of the State: The secret journal of premier Zhao Ziyang*. Simon and Schuster Publ., 2009, 336 p. (In Eng.)
41. Bo Yibo. *Bo Yibo Wenxuan (1937—1992)* [Selected works of Bo Yibo (1937—1992)]. Beijing, Renmin chubanshe Publ., 1992, 635 p. (In Chin.)
42. Deng Liqun. *Deng Liqun zishu: shier ge chunqiu (1975—1987)* [Deng Liqun's narrative: The twelve years (1975—1987)]. Hong Kong, Dafeng chubanshe Publ., 2006, 547 p. (In Chin.)
43. Deng Xiaoping. *Deng Xiaoping wenxuan* [Selected works of Deng Xiaoping]. Beijing, Renmin chubanshe Publ., 1993, vol. 3, 432 p. (In Chin.)
44. Tian Jiyun. Jin juli ganshou Deng Xiaoping [Impression about Deng Xiaoping from a close distance]. *Yanhuang Chunqiu*, Beijing, 2007, no. 12, pp. 1—4. (In Chin.)